

ТОЛСТОВСКИЙ ЭКРАН

НО ТУТ самое время еще раз бросить общий взгляд на кинематограф, чтобы понять, почему после десяти лет балаганных триумфов ему вдруг так понадобился Лев Толстой...

ДЕЛО В ТОМ, что на исходе этого своего первого триумфального десятилетия кино незаметно вкатилось в кризис. Впоследствии его называли кризисом сюжетов. Однако вопрос стоял шире, и, в сущности, речь шла о жизненном содержании нового зрелища. Кино переставало быть аттракционом, но еще не знало, чем станет далее.

Выхода искали все. Американцы. Итальянцы. Французы.

Россия не была исключением.

Беспокойнее всех вел себя петербургский фотограф Дранков: он съездил в Лондон, накупил там киноаппаратуры и обзавелся корреспондентским удостоверением газеты «Таймс». Затем он снял на пленку несколько высочайших сюжетов: «Отъезд шведского короля», «Свидание государя-императора с английским королем Эдуардом VII на Ревельском рейде» и «Встречу германского императора со шведским королем в Стокгольме».

Да, Шарлю Патэ было самое время побеспокоиться. Он принял меры: послал в Россию группу своих представителей на постоянную работу. Тут нам стоит запомнить два имени: режиссер Мэтр и оператор Мейер: они должны были организовать под маркой галльского петуха производство русских «художественных фильмов». Стиль был предзадан «Убийством герцога Гиза»: четкость актерского жеста, гармоничность поз, выразительность акцентированных мизансцен — но теперь все это надо было соединить со столь ценимой в Париже русской спецификой: с водкой, самоваром и тулунами.

Успех ожидал сотрудников Патэ не на этом мучительном поприще, а на соседнем. Попутно с художественными фильмами французы снимали в России хронику.

И вот одна из крупнейших столичных газет бросила клич: использовать кинематограф «не для улицы, не для грошовых балаганных театров, а для истории». В марте 1908 года, когда вся Россия готовилась к 80-летию великого старца, этот призыв был понят однозначно: надо снять Толстого.

...В ЯСНОЙ тревожно. За три недели до восьмидесятилетия Толстой заболевает и диктует завещание. Он хочет, чтобы его похоронили на месте зеленой палочки, где играли они когда-то, в первую половину ушедшего столетия с покойным братом Николенькой.

Хочу представить себе, как в эти дни мог реагировать Толстой на предложение предстать перед кинокамерой.

Одна его фраза попала в газеты:

— **Что же мне, перекувыркнуться, что ли?**

Фраза вполне соответствует характеру ситуации. А все-таки отдает апокрифом. Если Толстой сказал нечто подобное, то уж позже, год или полтора спустя, когда кинематографчики действительно дорвались до него. Сейчас, в августе 1908-го, ему скорей всего и не говорят о них. По «Ежедневникам» Софьи Андреевны, по записям толстовского секретаря Гусева, по газетным эпитафиям можно составить список неудачников: в начале июля отказано французу (наверняка от Патэ!). В середине июля отказано голландцу (уж не от Бингера ли?). В августе отказано: рижанину, киевлянину, одесситу. В Туле ходит слух, что приехавший в Ясную Поляну англичанин ночует в саду на сене и целые дни сторожит Толстого с киноаппаратом. Но это явная легенда.

А вот факт: один пробился. Нашел-таки путь: через Софью Андреевну, а к ней — через общих знакомых. Это Дранков, и теперь самое время рассказать об этом человеке подробнее.

У НЕГО черные усы и обаятельная улыбка. Он вкрадчив, стремителен и нахален. Он благоговееет перед Толстым и боится его, но обладает цепкостью и феноменальным чутьем на сенсации.

Этого чутья — забежим вперед — ненадолго хватило Дранкову: он попевал лишь первые годы, пока достаточно поспевать. Он снял первые русские хроники и склеил первый русский «художественный фильм». Он везде успел первым, но и только.

В 1908 году Александр Осипович Дранков — на взлете. Ему двадцать восемь лет, он поставщик двора, и на пальце у него перстень с драгоценным камнем (впрочем, мемуаристы подозревают, что камень поддельный).

27 августа 1908 года Дранков с помощниками возникает в Ясной Поляне.

Графиня Софья Андреевна делает им знак вести себя тихо.

— Снимайте, когда мы будем гулять, но так, чтобы мы не видели.

Сняли Софью Андреевну с цветами. И ее сыновей в саду. И как Александра Львовна едет в деревню раздавать конфеты. И как деревенские ребята бегут следом. Сняли дерево бедных. И как прыгает любимый пудель Толстых.

Лев Николаевич не появился.

День пошел к вечеру, положение сделалось почти безнадежно. И тут Толстого в кресле вывезли на балкон второго этажа: Лев Николаевич захотел поговорить с пришедшими студентами.

Мгновения приобрели вес золота: едва в уголке балкона появился край кресла, Дранков отстрочил общий план. Но балкон затенен тентом. Дранков взывает о помощи. Чертков, Сергеенко и другие присутствующие начинают собственноручно скатывать тяжелый тент. Дранков, сгорая от нетерпения, снимает снизу и эту прозаическую омерацию.

И, наконец, он взлетает вверх со своим верблюдобразным ящиком. Вот он, миг победы!

...ДАЛЬНЕЙШЕЕ восстанавливается по трем источникам: по рассказу Дранкова в газетах 1909 года, по статье Гусева в «Экране России» 1916 года и по статье того же Гусева в журнале «Искусство кино» 1960 года.

...Софья Андреевна стоит справа от кресла, студенты — слева. Студенты спрашивают Льва Николаевича, отчего он, проповедуя добро, написал письмо в газеты, чтоб не обращались к нему за помощью. Лев Николаевич отвечает, что он бы раздал все с удовольствием, если бы не одно обстоятельство: все уже отдано. И Лев Николаевич указывает на Софью Андреевну: вот ей! Оба смеются.

Стрекочет аппарат.

Точность разговора сомнительна: письмо Толстого в газеты, чтобы не преследовали его просьбами о деньгах, написано через два месяца, но, вообще говоря, анекдоты о Толстом на тему «я все отдал вот ей» ходят уже лет двадцать.

Несомненно одно: сидя перед аппаратом, Толстой о чем-то действительно разговаривает с Софьей Андреевной. И смеется.